

Роман Шилов

ГОРОД СПИТ

2020 год

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

Роман Анато́льевич Шилов

Город спит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63946726

SelfPub; 2023

Аннотация

Город – это не дома и торговые центры, а люди со своими заботами, проблемами и радостями, встречами и потерями. Но на каком бы месте в иерархии общества человек не находился, у него есть свое понимание дружбы, взаимопомощи, любви, востребованности и бытового комфорта. Человек сам определяет цель или бесцельность своего существования. Книга «Город спит» – это попытка философско-художественного осмысления бытия человека в условиях рыночных отношений через некий социальный срез жизни части городского населения.

Содержание

1	4
2	17
3	20
4	28
5	36
6	41
7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Роман Шилов

Город спит

1

Сердце билось в такт реле поворотов повидавшего все виды корейского внедорожника. С начала недели порция растворимого кофе в стакане увеличилась втрое. Валерий Дмитриевич плохо спал, изрядно нервничал и не замечал предновогодней атмосферы. Поводом для такого состояния стала пропажа старого друга Сашки- «Магазинщика».

Валерий Дмитриевич, майор в отставке и уважаемый среди местных правоохранительных органов человек, вдоль и поперек объездил все притоны и больницы. Мобильный телефон Сашки не отвечал. Оставался только самый неприятный для него вариант – заехать к Сашке домой. Адрес, по которому официально проживал «Магазинщик», был почти в центре города. Валерий Дмитриевич частенько проезжал мимо него, но зайти не решался.

На этот раз он ехал туда специально. Старый двор почти не изменился за последние десять лет. Все тот же кирпичный дом, та же латаная-перелатаная входная дверь с кусками торчащей материи. Правда, краска в подъезде была обновлена.

В двухкомнатной квартире около трамвайного кольца

проснулся кот. Пробежавшись по квартире во взволнованном состоянии, он нашел хозяйку, женщину преклонных лет, которая безучастно смотрела в экран телевизора, расположившись в кресле. Когда кот, усевшись посередине комнаты, начал громко мяукать, взывая к хозяйке, раздался дверной звонок.

Алла Герасимовна, мама «Магазинщика», открыла дверь. Она редко шла на контакт с кем бы то ни было, но в этот день молча пропустила бывшего мента к себе в квартиру.

На чистый ковер встали грязные от смеси снега, песка и соли и бывшие еще час назад безукоризненно черными, ботинки. Поняв совершенную им неловкость, Валерий Дмитриевич решил все же их снять, но хозяйка только безразлично махнула рукой, приглашая его пройти дальше.

Валерий Дмитриевич обрадовался, что можно не снимать обувь. Он вообще никогда ее не снимал в гостях. Полицейская привычка позволяла ему щеголять таким образом в самые грязные сезоны и в самых чистейших квартирах.

– Сашку потерял. Нигде нет – ни в больнице, ни у друзей. Телефон молчит.

Женщина со вздохом облокотилась на дверь уборной и, дрожа всем телом, вымолвила, наверное, самые тяжелые в ее жизни слова:

– Умер он. Уже как месяц... Приснился мне вчера. По лицу ее покатались слезы.

Валерий Дмитриевич поперхнулся, резко почувствовав

комков в горле.

– Как умер?

– Чего в дверях стоять? Проходи. Помянешь.

Валерий послушно прошел на кухню. Сел у окна, молча наблюдая как Алла, суетясь, накладывает ему гороховый суп.

– Вот ведь как... Не стало Сашки... Сколько я раз на него злилась. Вслух говорила ему: «Хоть бы ты сдох!». Столько он мне нервов потрепал! А вот жалко... так жалко. Он ведь у меня один был, сынок мой.

– А что с ним случилось?

– Сердце...

Алла налила две рюмки из откупоренной четверки водки и села. Валерий отказался. Сегодня город инспектировали представители ДПС из области, а с ними можно и не договариваться.

– Валер, прости! Прости, что на тебя всегда злилась. Ты ведь столько мне нервов измотал! Как придешь, так все – доставай корвалол...

– Да, Сашка хулиганом был. Но добрым. А способ избежать очереди за водкой он все-таки придумал хороший, решительный ... Ты меня тоже прости. Работа такая была.

– Да все зло от водки этой! Все зло...

Валерия Дмитриевича тянуло уйти. Суп был вкусный. Но его здесь больше ничего не держало. Ворошить прошлое он не хотел. Пожелтевший потолок давил на виски в преддверии головной боли. Сейчас он четко понимал, что над ним

нависла угроза. Шеф не поймет, что Сашка мог умереть.

«А помнишь, – продолжала Алла Герасимовна, – как Санька забрался в местный исполком и начал названивать всем начальникам с требованием доложить обстановку? Видимо, кино какого-то посмотрелся. А так ведь и жил: дом, история, больница. Детство былое прекрасное, а взрослая жизнь не удалась».

Валерий Дмитриевич отказался от второго, как мог искреннее обнял Аллу Герасимовну и ушел. Но уезжать он не торопился, еще долго сидя в машине около подъезда и размышляя.

Вариантов особых не было. Нужно было идти к Шефу, чтобы доложить об увеличении сметы и возможном срыве операции «Звонок».

На следующий день прорваться к Шефу было сложно. В порядке живой очереди к нему выстроился главный инженер, пара крупных арендаторов, незнакомые люди с каким-то предложением, пара местных активистов, три директора аффилированных фирм. Долгое ожидание прервалось скрипом открывающейся двери, из кабинета вышла новая помощница Шефа и бодро побежала к себе в кабинет. В дверях появился пузатый и немного сгорбленный мужичок сорока лет с загадочной улыбкой. «Ира, – окликнул он девушку. – У меня нет времени выслушивать моих гостей. Раздай им всем чистые листы бумаги». И, уже обращаясь к собравшимся, произнес:» Письменно, господа, изложите все пись-

менно! А я в течение одного дня все рассмотрю». Далее его взгляд остановился на Валерии Дмитриевиче: «Обедать поедешь»?

– Да.

– По коням тогда!

И оба они удалились, зайдя в лифт.

Официанты принесли морские деликатесы и рябчиков. Вип-зал ресторана был отделен от других помещений бронированными перегородками, выполненными в античном стиле. Столовое серебро блестело, отражая свет хрустальной люстры.

– Как там операция «Привет из дурдома»? Твой дружбан готов? Купил ему поесть?

Валерий Дмитриевич чуть не вымолил: «Шеф, все пропало!», но вовремя опомнился.

– Проблемы у нас, Шеф. Умер он...

– Ну и что... Ищи человека. Ты же всех алкашей знаешь по городу.

– Нам нужно того, которого не посадят.

– Да если и посадят, нам- то что? Может, даже лучше будет. Чище, в каком-то смысле.

– Я поищу человека. Но это будет дороже.

– Только, чтобы разумно – не больше 50 рублей. И по срокам – неделя осталась!

Больше они ни о чем не разговаривали. Шеф жадно поедал морепродукты, а Валерий Дмитриевич думал о Сашке.

После обеда, сидя в машине, Валерий перебирал в своей голове все возможные кандидатуры. Исполнитель должен был быть ответственным и неболтливым. Среди людей, находящихся в такого рода социальной среде, лица, обладающие высоким уровнем ответственности, практически отсутствуют. В конце концов он решил ехать в местную психиатрическую больницу.

Попасть на прием к старому знакомому главврачу, да еще в качестве вероятного мецената, не составило особого труда.

– Валерка, привет! Чем могу помочь?

– Ты в курсе, что Сашка умер? «Магазинщик» который?

– Да, в курсе... Хорошо, что не в наших стенах.

– А есть такие же, как он?

– Валер, ты же знаешь – я такими вещами не занимаюсь.

– А что у тебя как из окна дует? Так и заболеть можно!

Было бы неплохо заменить окно.

– Если бы ты не с Сашкой сотрудничал, я бы давно уже все пресек. Умел парень не распространяться. Да и вроде как-никак вы друзьями были.

– Вот именно. Так что ты ничего не знаешь. А догадки оставь при себе. Ну, что с окном? Помочь тебе?

– Два окна, Валер. У меня еще в ординаторской зимой холодрыга.

Валерий Дмитриевич, удивившись наглости главврача, решил поторговаться.

– Давайте ординаторскую оставим на следующий раз. Сей-

час важно о себе думать.

– Вот мы и думаем! Производительность труда каждый год под угрозой из-за этого окна. Вы правильно заметили, что у нас здесь холод и сквозняки. Нам нужны гарантии, и вам это тоже на руку. Какое будет разочарование, если наше сотрудничество прервется по причине моего ухода с должности по состоянию здоровья.

– Мы все же это можем сделать в несколько этапов.

– Боюсь, что и первый этап нам с вами не осилить, так как мы вам помочь особо ничем не можем. Увы...

Главврач, прекрасно осознавая безвыходность ситуации для Валерия Дмитриевича и зависимость последнего от его решения, четко обозначил свою позицию в этом вопросе.

– Что ж, торги проиграны! – резюмировал Валерий Дмитриевич. – Два так два! Рад буду помочь! Помогать медицине – дело благородное.

Согласившись на ремонт двух окон, Валерий Дмитриевич выругался про себя. Он рассчитывал сэкономить и остаться в плюсе, но при раскладе с двумя окнами лично для себя у Валерия Дмитриевича от сметы под наименованием «Операция «Звонок» оставались лишь копейки на бензин.

– Хорошо. Придешь завтра днем и спросишь Инну Захаровну. Я сегодня дам распоряжение, она все подготовит. Окна лучше заказывать в компании «Стекланный мирь», я сам с ними свяжусь. Они приедут на замер и выставят счет, а я тебе его скину на электронку.

Валерий Дмитриевич поморщился. Видимо, и на бензин у него денег уже не останется, так как небезызвестный «Стекланный мирь» был компанией зятя главврача. Славилась эта компания тем, что устанавливала окна всем нуждающимся, а также претендентам на получение штампа медицинской справки на право управления транспортным средством или разрешения на оружие с сомнительной репутацией.

На следующий день, зайдя в санитарный блок, Валерий Дмитриевич спросил Инну Захаровну, и его попросили подождать в холле. На лавочке около окна сидел приятного вида молодой человек, гладковыбритый, с прической в виде хохолка.

Молодой человек, связанный в санитарной рубашке, тихо дремал. Рядом с ним находился коренастый санитар, изредка оценивающий состояние спящего.

– Что с ним?

– Спит. Кольнули снотворного.

– А в целом?

– В грудь себя бьет, что принадлежит к дворянскому роду.

– А если даже и так. У нас после развала Союза каждый второй дворянин, и только первого мая все пролетарии.

– Ха! Да нет, этот здоровый малый на центральной площади кидался на всех бородатых и требовал предъявить жетон на ношение бороды. Иначе грозился их передать Батюшке – царю на поругание! А некоторым и вовсе сам хотел отрезать бороду.

– Шизофрения?

– Наркотики. Прокапаем, и через неделю вернется к обычной жизни. Постоянный клиент. Правда, раньше он в общественных местах цирк не устраивал. Ловили за рулем.

– Валерий! – окликнула его дама среднего телосложения. Представившись Инной Захаровной, она провела его по коридору и ткнула пальцем в шупленького мужичонку.

– Это наш Василек-Антошка, он специализируется на школах.

– Василек, мой хороший! А ну- ка, идем сюда.

Мужичонка послушно подошел к повелительному медицинскому работнику.

–

Знакомься. Это – Валерий. Он теперь твой друг. Хочешь дочке новую куртку купить?

– Хочу! Красивую!

– Слушай меня внимательно, мой дорогой! Тебя в пятницу выпишут днем, и он тебя заберет на подработку, понял?!

Василек обрадовался, кивнул головой и побежал хвататься своим друзьям.

– Стой! Вернись ко мне!

Василек послушно подбежал к женщине и спрятал глаза.

– Ничего никому не рассказывай! А то продлим лечение еще на месяц, понял?

– Угу.

– Все, свободен!

От тона Инны Захаровны Валерий и сам встал в ступор. Как это омерзительно искренне и наигранно. Просто «фу»...

«Да ей самой нужно недельку, а может, и все две тут по-лечиться», – подумал Валерий Дмитриевич.

Инна Захаровна развернулась к Валерию и стала заверять его в надежности Василька:

– Он язык за зубами держать умеет. Главное – его об этом попросить.

В пятницу днем Валерий заехал за Васильком, утепленным в превышающий его размера на три пуховик. Тот сел на переднее сиденье и пристегнулся, как школьный отличник. Его лицу не хватало только очков для вида типичного запуганного ботаника. Как все-таки много можно сказать о человеке по его лицу! Он, как опытный сотрудник, мог почти полностью считывать информацию о человеке по его внешнему виду.

Валерий завел машину, медленно тронулся и начал вводить своего напарника в курс дела.

– Вася, ты куртку внучке хочешь купить?

– Хочу! Дочке только.

– Хорошо, дочке. А чтобы купить, нужно заработать деньги, правильно?

– Да.

– А ты куда любишь звонить? За что тебя в больнице держат?

– Лечат. Я в школы звоню.

Стало заметно, что Васильку такой прямой разговор начинал не нравиться.

– Давай ты позвонишь и пошутишь про вот этот адрес? Валерий Дмитриевич передал Васильку бумажку с адресом и наименованием торгового центра. А я тебе за это заплачу пять тысяч рублей?

Напарник закивал, и вскоре корейский внедорожник остановился за углом разрисованного неприличными надписями таксофона.

Василек вышел из машины и побрел к таксофону. Валерий засекал время и начал раздумывать о тех душевнобольных гражданах, которые выражают свою болезнь в вандализме общественных мест. Кому только понадобилось разрисовывать таксофон? Может, есть такой же Василек «Таксофонщик», который на этом специализируется? Нужно будет узнать у главврача.

Разговор длился достаточно долго. Сашка «Магазинщик» справлялся быстрее. Тем не менее Василек пришел возбужденный и в веселом настроении. Вновь в машину Валерий его не посадил. Выдал положенное вознаграждение через окошко и отправил домой на общественном транспорте. Дело было сделано.

Пятничным новогодним вечером в небольшом промышленном городке случился коллапс. Из пяти торговых центров по причине анонимных звонков с угрозой минирования было закрыто сначала четыре, а потом, вдобавок, и еще три

школы. Василек явно перестарался.

На следующий день к Шефу в кабинет вошел человек, поинтересовавшись тем, как прошла пятница, и не было ли каких подозрительных звонков? А то ведь в городе творилось что-то немыслимое. Человек явно дал понять, что имеет соответствующую информацию, а также возможность в случае чего очень сильно и глубоко «копнуть».

– Беспорядок какой! Пока в России сигаретный бычок не начнут считать за мусор, ничего не изменится! – разводил демагогию высокопоставленный человек.

– Точно, точно! – поддакивал утомленный Шеф.

– А в скольких метрах от ручья ты купил дачу?

– Около двухсот...

– Такого быть не может! Это же природоохранная зона!

Там, скорее всего, расстояние не менее пятисот метров.

Шеф поперхнулся яблочным соком. По его мнению, пятьсот – даже за такую грубость – было очень дорого. Красные глаза его стали еще больше, щеки раздулись, и он еле сдерживал прорезающийся кашель. Затем он сделал медленный выдох и оценил расстояние в триста метров.

Гость зацокал: «Ну, вряд ли триста. Надо бы измерить точнее».

Шефу этот разговор мешал чувствовать себя свободным и беззаботным. Однако, зная некие компетенции своего гостя, он решил не упираться и согласиться с тем, что расстояние от ручья до дачи составляет около пятисот метров.

Гость заулыбался, молча встал и надел пальто, готовясь уходить. С улыбкой довольного кота он обошел Шефа, хлопал его по спине и пожелал удачного дня. После чего импозантно направился к двери. Его пижонский шарф раскачивался в такт походке. Гость еще раз на прощание обернулся и, благодушно улыбнувшись, покинул кабинет. Потом снова вернулся и, стоя в дверях, уточнил, что ждёт установления точного расстояния к концу недели.

2

С самого утра в кабинете Шефа собрался консилиум с повесткой дня: «Как уменьшить налоги?». Юристы и бухгалтеры усердно спорили и были в сантиметре от перехода на личности. Присутствовал при этих дебатах и Валерий Дмитриевич, который в большей степени наблюдал за Шефом, ходившим по большому кабинету и пребывающим в роли «генералиссимуса». По улыбке на лице Шефа можно было предположить, что он только и ждет, когда его баночные пауки пережрут друг друга в приступах лести и гордыни. Спустя пару часов на ватмане была разработана схема дробления бизнеса. Валерию Дмитриевичу выделялась особенная всеобъемлющая роль. Ему нужно было проследить за неразглашением лишней информации участниками собрания и быть на подхвате для устранения внештатных проблем. Иными словами, разгребать все возникающие проблемы на пути, большинство из которых можно было бы давно решить при отсутствии лени у исполнителей. Но было и еще одно дельце, к которому у него совсем не лежала душа. Нужно было найти человека с низкой социальной ответственностью для выкупа доли в уставном капитале одной организации, которая должна была в ближайшее время провести крупные сделки, а через некоторое время обанкротиться.

Годы нещадно идут и люди, с которыми Валерий Дмит-

риевич раньше бок о бок работал, поредели. Связи в правоохранительных органах таяли с постепенным обновлением кадров. Ведь с таким вопросом как у него к руководителям не пойдешь, а штатных работников он уже знал мало. Алкаши, с которыми он работал раньше, поредели еще значительно, более молодым пьяницам такое дело он доверить не мог. Вот уже и Сашки «Магазинщика» не стало, вспомнились ему зимние приключения, а теперь больничка для душевнобольных вряд ли выручит, кандидат нужен дееспособный. Хотя все же он решил попробовать, может быть, ему посоветуют кого-нибудь около психически нездоровых граждан.

Заехав вечером в местную психологическую больницу, он встретил сидящего у входа на лавочке Василька, тот его не признал, и пришлось подходить здороваться самостоятельно. Не то чтобы Валерию Дмитриевичу хотелось, сколько подталкивала необходимость иметь за пазухой таких людей, как этот хилый мужичонка, тем более, что в будущем он должен был еще пригодиться. Валерий Дмитриевич принял решение, что с учетом адекватности Василька лишний раз его обижать не надо.

– Привет, Антон! Как дела?

– Здравствуйте! А я думал, вы меня не узнали... да все хорошо, на лечении вот. А Вы ко мне? Звонить поедем? А мне, мне сегодня уколы не делали. Скоро домой отпустят, а....

Валерий Дмитриевич пожал крепко руку Василька, взгля-

нул в его глаза сделав вид внимательного слушателя, проявив тем самым уважение, и потихоньку самоустранился.

Идти к главврачу было бесполезно, так как денег на окна никто не выделил, а обращаться с пустыми руками было стыдно. К тому же главврач мог встать в позу, и точно пришлось бы искать деньги. А вот Инну Захаровну купить можно было гораздо дешевле. Добравшись до места, его стали атаковать сомнения о правильности поиска необходимого кандидата в здешних стенах. Главврача он, конечно знает, но Инну Захаровну видел ровно два раза. Сможет ли она не проговориться главврачу и самостоятельно заключить с ним сделку?! Посмотрим...

В кабинет Инны Захаровны не пустили санитары, которые подозрительно косились на него, но грубо согласились доложить ей о его визите. Теснота и духота холла заставила Валерия Дмитриевича выйти на улицу, где складывался хороший весенний день. Но на улице его держало в напряжение присутствие Василька, и он решил в ожидании прогуляться по территории.

3

Сегодняшний день работника полиции Чистых не задался с самого утра. Ему завернули выстраданные документы и попросили в срочном порядке исправить недочеты, так как все мыслимые и немыслимые сроки окончательно выгорали в ближайшее время. При условии тотальной загруженности исправление документов грозило парами бессонных ночей.

Но самым отвратительным было то, что на подступах к конторе к нему подошли журналисты и начали расспрашивать про какого-то маньяка.

О каком маньяке идет речь Чистых не знал и какие-либо комментарии давать отказался наотрез. Для аргументации своей позиции он еще раз, но уже в более грубой форме, чтобы точно отстали, отказался давать комментарии и попросил перестать снимать. В заключение дал совет обратиться в пресс-службу, именно так, как его учило вышестоящее руководство.

Хитрый журналист попытался вместе с ним зайти в отдел, но был тут же остановлен дежурным, выбежавшим к вертушке.

Дежурный, встав стеной, спросил вдогонку Чистых, что происходит, но последний отмахнулся и повертел пальцем у виска.

Журналист пискнул от удовольствия и сразу попросил своего оператора подтвердить, был ли заснят этот жест. Оператор безразлично кивнул вместе с камерой в знак подтверждения.

Далее пытливый Журналиюга начал спрашивать дежурного про маньяка, но тот монотонно из раза в раз объяснял, что с такими вопросами надо обращаться в пресс-службу, так как у него нет полномочий на общение со СМИ. А про какого маньяка вообще и в целом идет речь он действительно не понимает.

Не получив конкретного ответа, Журналист еще раз пискнул от удовольствия и ушел довольным.

Вскоре по местному телеканалу вышел сюжет, где полицию обвиняли в скрывании информации о том, что в городе появился маньяк. Делался вывод о бездействии правоохранительных органов, ведь пока, славу богу не было ни одного смертельного случая, только покушения. В видеосюжете умнейший дежурный с высшим образованием выглядел совсем недалекого ума, повторяя несколько минут на одни и те же вопросы одни и те же ответы монотонным голосом. Но кроме дежурного в видеоряд попал, конечно, и Чистых, который, отмахнувшись жестом у виска, ответил на риторический вопрос журналиста о принятых мерах по отлову преступника и добросовестности полиции в целом.

Был скандал, но это конечно слишком легкая форма описания того, что произошло после выхода сюжета.

В районном отделе полиции собралось огромное совещание. Точнее, это было не совещание, а ринг по смешанным единоборствам, где Чистых при коллегах и начальстве словесно избивал Полковник, резко переходя с русского на русско-матерный язык, словно кикбоксер чередуя удары рук и ног. Когда главный боец совещания – Полковник уставал, то воздух разряжался небольшой паузой, которая вскоре заполнялась выступлением заместителей, использовавших, схожую тактику словесного избияния.

Пресс-служба отрапортовала, что никаких запросов от журналистов не поступало, и в дальнейшем для поддержания имиджа есть два варианта поведения, один из которых необходимо утвердить.

Первый вариант заключался в том, что следовало вступить в открытую конфронтацию с журналистами, а именно сообщить, что никаких сообщений о противоправных действиях посягающих на жизнь и здоровье граждан, которые можно было бы охарактеризовать как действия маньяка, не поступало. Настоять на том, что это не более того слухи и все. Но минусом данной позиции было то, что, возможно, а скорее всего, точно такое опровержение до граждан не дойдет, так как журналисты видео в таком ключе не опубликуют, а сайт местного отдела ради новостей никто не читает.

Второй вариант был наиболее коварнее. Предлагалось выступить с официальным обращением, сказав, что проверка по данному факту проводится, но более конкретная ин-

формация является следственной тайной и не может разглашаться с целью недопущения преступником сокрытия следов преступления. Тем самым намереваясь оповестить общественность, что уже даже есть подозреваемый. Так можно было не раздувать выдуманный скандал с общественностью и с журналистами, а главное подстраховаться.

Но самым ужасным в этом совещании было то, что Полковник не просто утвердил второй вариант, но резюмировал совещание следующими словами:

– Значит, работаем по второму варианту – ловим маньяка! Тем более что действительно слух по городу ходит, сам слышал, и вроде одно обращение даже было. А ловить у нас будет самый опытный специалист по шизикам – Чистых.

Дело-дрянь, из-за телевизионного ролика раздувался огромный скандал, который плавно вытекал за пределы района. Комментарии в социальных сетях были не совсем позитивные. Осветлить местную полицию перед общественностью и, не дай бог спасти перед какой-нибудь проверкой из центра, могли только активные действия.

После совещания Полковник около часа диктовал Чистых задание, которое потом же сам коротко пересказал:

– Так как мы получили такую огласку, и она растет как снежный ком по всем социальным сетям, а у нас, сам понимаешь, заведение не медиахолдинг, соревноваться с журналистами мы не можем. Да и это не наша поляна, надо играть на своей территории. Начинать проводить оперативные

действия. Чем толще будет папка, тем нам будет легче потом отбиться. Кроме того, всегда есть место случаю. Может, это он и есть?! Ведь пишут в комментариях, что видели, где-то слышали, слухи ходят. Девушку, что жаловалась, опроси еще раз. Поговори с людьми в целом, пройдишь по населению. Пусть общество чувствует, что мы работаем. Конечно, утверждать наличие маньяка только потому, что якобы было несколько нападений на остановках – этого мало. Но! Проверить и в самом деле не мешает. А вдруг поймаем. И да – премии не жди... Дело даже не в твоём пальце около виска, а в вероятной проверке.

Чистых вышел от Полковника как выжатый лимон. Нет, даже это сравнение не могло передать полностью его состояние. Чистых вышел от Полковника как десять раз выжатый чайной ложкой и столько же еще раз заваренный чайный пакетик. Хотя, снова не то. А вот что точно оно: Чистых вышел от Полковника как жеваная, пустая, пробитая крышка, на которой проехали с десятков километров, от чего на ней появились сквозные дыры и легкий дымок, грозящий пожаром. Словом, Чистых сегодня стал стопроцентным козлом отпущения.

Время уже было обеденное, куча пропущенных звонков и несделанных дел.

Чистых плюхнулся в свое кресло, сдвинул все бумаги в сторону, сделав свободное место для построения бутербродов с кофе.

Сначала Чистых с жадностью давился бутербродами, ощущая, как мимо рта скатываются крошки, падая ему на рубашку и пол. Почувствовав живот наполненным, Чистых начал играть с бутербродами. Выстроив строй из хлебобулочных изделий с колбасой, он их выровнял и неумолимо пугал бокалом кофе, который представлялся их начальством – вершителем судьбы. Водя мимо выстроившегося строя бокал, Чистых озвучивал как кофе в бокале унижает бутерброды и в наказание отправляет их ему в рот.

Отойдя от утренней нервозности, его атаковало огромное чувство ярости к Журналисту. Из-за него над его карьерой, над его смыслом жизни нависла гильотина. Как этот мелкий человечиска мог даже из-за культурных соображений состряпать такой сюжет. Ведь есть вещи, которые нельзя использовать просто из-за этических соображений.

Чистых уже забыл, как встал с кресла и как долго расхаживал по кабинету. Мысли в его голове кружились на карусели, разумом он понимал, что сейчас ему нужно сесть и сделать все срочные дела, что от него ждут документы, а с маньяком надо завтра на свежую голову. С маньяком надо обставить все так, что действительно идет проверка, а это задача плёвая. «Ну журналист и гаденыш, пристрелить! Нет, застрелить эту собаку очень просто, да и зачем таких как он лишать жизни, стране нужны руки! Не рты, а руки! В ссылку бы его, на север! На каменоломню! В порт Диксона на разгрузочные работы! Пускай там подумает о своем поведении,

искупит сволочь свой общественный вред работой. Любуйся теперь из-за него мемчиками про себя с пальцем. Коллеги уже закидали меня этими картинками. Тоже мне! Не товарищи, а самые настоящие гиены» – злился Чистых.

В этот самый момент журналист ликовал и принимал поздравления от коллег. Его ролик начали публиковать сообщества социальных сетей федерального уровня, просмотры росли с геометрической прогрессией. Журналист яростно просматривал все ссылки на его репортаж, которым с ним делились. Вот его сюжет опубликовала группа «Банальный Н», а это уже ссылка на пост в «Банальный Б», а еще ссылка на группу людей с левыми взглядами. Он уже представлял, как его после такого успеха приглашают работать на один из крутых федеральных медиахолдингов. Журналист даже не подозревал, что в какой-то миг Чистых до потери самообладания и визита к нему с табельным оружием оставалось всего лишь пару делений на манометре нервного срыва.

Конечно, Чистых не снимал с себя ответственность за легкомысленный жест и необдуманное, неподобающее поведение, но несмотря на все это, он нутром ощущал, что человеческого в нем было больше, чем в этом Журналисте. Да, покрутил пальцем у виска, но он никогда никого не преследовал и не обвинял без вины, как сейчас это сделал Журналист. Чистых занимался ежедневной рутинной, он был именно тем, кто действительно ощущал оболочку криминального мира и всю основу статистических данных, периодически публику-

емых в средствах массовой информации. Простые обыватели, каким, по его мнению, был в том числе Журналист, не были в курсе его успехов. Не были посвящены в те победы, которые составляют фундамент спокойного существования гражданского общества.

С большой одышкой Петр Семенович поднялся на второй этаж, где работал менеджером по продажам. Коллектив фирмы «СантехЛюксГудСтройНептун» был достаточно молодой, и Петр Семенович в нем был самый старший. Усевшись за свой рабочий стол, с Петром Семеновичем случился казус, его штаны лопнули, но не в паховой области, как это случается со многими полными людьми, а в районе голени, превратив классические брюки в клеш. Петр Семенович начал ругаться, называя всех модельеров и прочих людей творческих профессий словами, обозначающими противоположную сексуальную ориентацию.

– Как же задолбали эти зауженные штаны! Куда не придешь, все зауженное, как для девочек шьют.

Из-за двух огромных мониторов появились глаза Светы, местного маркетолога.

– Никто не виноват в том, что ты жрешь как свинья!

Света никогда не была замечена Петром Семеновичем с такими грубыми выражениями. Он хотел было послать эту сучку на все четыре стороны, но в кабинет зашел директор Антоха и сразу засмеялся.

– Петь, ну с брюками понятно – лопнули. А что с рубашкой, она села от страха быть съеденной? Она тебе мала, или

это функция обдува пуза?

Антоха шутил всегда, но раньше его шутки обходили стороной Петра Семеновича, а тут ударили прямо по нему, а для достойного ответа подходящих слов не нашлось.

Антон был молодым парнем и не вписывался своим видом в роль директора. Петр Семенович понимал, что бизнес явно не принадлежит Антону. Он просто родственник-наместник, но ввязываться в политику он не хотел. Его вообще воротило от информации об аффилированности, каких-то договоренностей и так далее. Петр Семенович четко решил для себя, что он просто будет честно зарабатывать свой хлеб, не залезая в змеиный клубок. Заработная плата его устраивала, работа тоже и больше ничего ему было не нужно.

Шутка про функцию обдува пуза быстро распространилась за стены офиса, по всему Аренда-центру, и о ней даже шептались в столовой. О такой популярности Петр Семенович никогда не мечтал. Брюки он зашил белыми канцелярскими нитками, рубашку натянул, заправив в брюки, а с репутацией сделать уже было нечего.

Первая половина рабочего дня прошла во внутренних стязаниях и угнетении собственной личности. Давно уже так горького не было Петру Семеновичу. На обед он взял огромный поднос еды в знак несогласия с обществом и унижением полных людей. Верхом гнилых душ своих коллег стало то, что все они принесли Петру Семеновичу по добавке, в основном это были пироги, но Светлана принесла двойную пор-

цию картошки с жареной курицей. Петр Семенович чуть не зарыдал, но сдержал себя, успокаивая раздумьем о том, что Светлана все-таки сучка. Он ее около года вытаскивал перед начальством, пока она как незрячий котенок тыкалась по всем углам. Принял как родную дочь! А сейчас она издевается над ним. «Но ничего страшного», – успокаивал себя Петр Семенович, – «ведь сердечных уродов уже не исправить».

– Ребят давайте еще еды, я не против, чтобы Вы меня кормили каждый день за свой счет. С дрожью в голосе вымолвил Петр Семенович и, опустив голову, принялся за еду. В столовой пришлось задержаться.

Петр Семенович не всегда был толстым. Когда-то он был атлетического сложения с самыми большими амбициями в жизни. Два высших образования, путь от работника до начальника цеха, а потом и заместитель директора по производственной части. Потом увольнение, нервные обедания и вот он, плюха, сидит, повесив нос в столовой. «А все-таки вкусно тут кормят» – переключил мысли Петр Семенович.

Следующая половина дня прошла еще в большей депрессии по причине плохого отношения к нему, всегда доброму и положительному Петру Семеновичу. Отсутствие уважения и тактичности по отношению к его личности вызывало у него полную апатию. Он ни с кем больше не разговаривал, и даже не звонил по рабочим делам, а просто смотрел новостные ленты, думая про причину этой несправедливости. Прибыльная, но не совсем профильная затея, по уча-

стию в конкурсе по поставке городу огромного количества уличных урн простаивала. Петр Семенович за весь день не сделал ни одного звонка, хотя он планировал совершить не просто самую крупную сделку за последний год, заключив договоров поставки уличных урн, а сделать ход конем, договорившись приобрести их напрямую с производства. У него в разработке было уже пару областных предприятий, готовых наладить в короткие сроки выпуск специального продукта в виде уличных урн, разработав единый стиль, который можно было реализовывать по всей области.

С работы Петр Семенович ушел ровно, не дожидаясь никого из коллег и ни с кем не прощаясь. Выйдя на улицу, он поторопился заскочить в местный «Синий» магазин и приобрел газировку с мороженым. Идти домой настроения не было совершенно.

Петр Семенович, посидев на лавочке и погуляв по городу, успокоился, и вроде бы уже собравшись пойти домой, его накрыло второй волной. Злясь на своих коллег и себя, было решено напиться, тем более, что последний раз он выпивал пару лет назад на встрече выпускников, а сейчас при таких обстоятельствах мог просто взять и позволить себе нажраться. Глаза упали на «Синий» магазин, где впоследствии было куплен алкоголь.

Блуждая пьяным по городу, Петр Семенович заметил свое отражение в стеклянной остановке. Подойдя к ней ближе, он тщательно осмотрел себя. Почему-то именно здесь ему от-

крылась правда. Он был безобразно жирный. Петр Семенович попытался втянуть живот, но в отражении ничего не изменилось. Его охватила ненависть к себе, и он начал бить это отражения, обзывая себя уродом. Неожиданно его кто-то схватил сзади за шею и повалил на землю. Петр Семенович начал брыкаться и бить локтями нападавшего. По случаю приоритета в весе Петру Семеновичу получилось перевернуться на спину, придавив нападавшего. В какой-то момент воздух совсем перестал поступать в легкие, он испугался еще больше и окончательно протрезвел, готовясь к летальному исходу, но неожиданно руки нападавшего ослабли и у него получилось вырваться. Обернувшись в сторону преступника, он увидел силуэт крупного мужика, что-то кричащего ему. Продолжая чувствовать на своей спине его взгляд, Петр Семенович как можно быстрее попытался побежал вдоль дороги, прихрамывая на одну ногу. За спиной слышались шаги преследователя, и Петр Семенович изо всех сил ускорился, погибнуть в этот ужасный день на улице подходило к общему фону дневных событий в жизни, но уж очень резко как-то захотелось жить. Зашитые брюки снова порвались, рубашка вылезла из штанов. Вдалеке появились проблесковые маячки, «Полиция!» – хотел закричать Петр Семенович, но получилось издать только хриплый звук похожий на вой слона.

Хромая на одной только надежде остаться в живых и здоровым, услышал до глубины души приятный в тот момент

скрип тормозных колодок уазика. Из уаза вышли двое с дубинками и приветливо поинтересовалась в чем дело. Из-за одышки, вызванной незапланированными физическими упражнениями по спасению жизни, Петр Семенович ничего вымолвить не мог. Его, не церемонясь, взяли под руки и повели в машину. На место для задержанных гостей Петр Семенович убраться не смог, поэтому, сжалившись, его посадили на заднее сиденье и повезли в отдел, мотивируя, что задержали как пьяного.

Петр Семенович, дыша часто и находясь в легком шоке от происходящего, начал осматривать салон машины. Еще больше он удивился, увидев слева от себя аккуратно уложенный шлем с бронежилетом, а справа – два автомата Калашникова. Удивляясь мнимой безопасности, с которой его перевозили, его взгляд поймал в зеркало заднего вида водитель, тут же ударив в тормоз. Петр Семенович, не успев отреагировать, клюнул носом и застрял между сидений.

Забрав с заднего сиденья оружие, полицейские тут же начали материть жирдяя и угрожать дубинками. Освободившись из плена передних сидений и окончательно отдышавшись, Петр Семенович начал сбиваясь рассказывать, что его чуть не убили, что его душили, что сегодня его унижали на протяжении всего дня. Несмотря на то, что на шее задержанного гражданина имелись свежие ссадины, полицейские не верили приевшимся пьяным бредням, пока Петр Семенович не озвучил, что нападение было совершено около остановки

общественного транспорта. В этот момент у хранителей правопорядка в голове сошелся пазл, и, с учетом поднявшейся шумихи вокруг ловли маньяка, они приняли решение основательно проверить показания пьяного гражданина.

Место борьбы было изучено, но никаких улик обнаружено не было. Полицейскими был сделан коллективный вывод, что нападение – дело рук того самого маньяка, который уже неделю наводит ужас на город.

Петр Семенович был доставлен в отделение полиции где тут же стал героем, тем более, что он не смог устоять, не украсив свою победу над маньяком. С его слов, вырваться из цепких лап ему помог хороший удар с локтя. Петра Семеновича закутали в зимний бушлат дежурного, как в американских фильмах, угостили печеньем и напоили чаем. В такой приятной обстановке он чувствовал себя импозантным шпионом, кумиром детства Штирлицем, который наконец-то вырвался к своим с боем.

Дача объяснений, попытка составления фоторобота и другая процессуальная волокита заняли приличное количество времени, и Петр Семенович освободился только ближе к утру, состояние алкогольного опьянения ему простили. С большого похмелья и не выспавшийся он валился с ног. Самый важный полицейский по фамилии Чистых сжалился над ним и выдал повестку, официально освобождающую Петра Семеновича от работы в этот день, и он же на своей машине подкинул до дома. Впрочем, дома ничего хорошего не было.

Его ждала жена Инна Захаровна, находившиеся в предынфарктном состоянии вместе со Светой. Загуляв, Петр Семенович не только впервые за долгие годы напился, но и потерял телефон, что на него совсем было не похоже. Инна Захаровна, пытавшаяся самостоятельно разыскать своего мужа, к ночи обратилась от безысходности к его сослуживцам, которые рассказали о рабочем конфликте и даже предсказали вариант самоубийства.

Открыв дверь квартиры, Петр Семенович с накинутым поверх рубашки полицейским бушлатом, раскачиваясь медленно, зашел, ожидая, что его супруга ушла на работу, но тут же на нем повисла Светлана, и с рыданием подошла жена.

Петр Семенович отмахнувшись рукой от всех женщин и на полном автомате проложил короткий путь к кровати, решив плюхнуться на нее с высоты своего роста, но промахнулся, свалившись на пол.

Граф жил последние двадцать лет в беспамятном состоянии из-за ежедневных пьянок. Бывало, когда он был полностью на нулях, один, и без капли алкоголя в крови к нему приходил здравый рассудок. Граф терпеть не мог такие моменты, потому что его трезвый внутренний голос начинал унижать его же самого, призывая к унынию, апатии из-за того, что он стал за последние двадцать лет простым алкашом. Несмотря на то, что здоровье и силы были уже не те, выйти из этого состояния и стать нормальным человеком было, по его мнению, еще возможно, но справится со своим трезвым самосознанием он не мог. Его трезвый внутренний голос доносил до Графа лица тех, кого он растерял, и те возможности, которые были упущены им по жизни, унижая его ежесекундно. Граф понимал, что всему причина – его слабость, он жалел себя постоянно. Он был мягок к себе, разрешая пить и не работать. Трезвому на душе становилось так тошно, что хотелось выброситься из окна. Один раз он просидел целый день трезвым, борясь с голосом и вроде даже выиграл борьбу, но накатившаяся скука сделала удар со спины, и он снова нажрался. Граф не мог понять, как можно просто целый день сидеть и не пить, да еще и работать.

В минуты трезвости Графа начинало трясти, и он искал

любую возможность нажраться, чтобы заглушить свой внутренний голос, постоянно унижающий его. Он был готов на все: попрошайничать, рыться в мусорках, бродить по городу в поисках легкой наживы. В самой крайней ситуации он готов был идти к своему брату Петру Семеновичу, тот всегда радушно встречал, несмотря на безобразный грязный внешний вид и репутацию падшего человека. Петр Семенович всегда сначала отправлял его мыться и обещал постирать вещи. Граф отпирался, но Петр Семенович насильно заталкивал его в ванную. Графу было очень приятно ощущать заботу родного брата, но принять ее без упрямства он не мог. Петр Семенович вещи Графа, конечно, не стирал, а сразу выбрасывал, взамен выделял почти новые из своего гардероба, в основном из того, что стало ему мало. Иногда Петр Семенович тайне от жены покупал вещи специально с прицелом для таких случаев. Граф уважал брата за эту любовь и знал, что Петр Семенович всегда даст ему в конце их встречи денег. Инна Захаровна, жена Петра Семеновича, ненавидела Графа. Петр Семенович связывал это с ее профессиональным отвращением к такому типу людей. Работала Инна Захаровна в местной психиатрической больнице. У Петра Семеновича была еще одна тайна – он оплачивал квартплату брата. Впрочем, Инна Захаровна догадывалась об этом, но не возражала, понимая, что после смерти Графа так или иначе долг с его помещьем все равно перейдет на мужа по наследству.

Граф ненавидел жену своего брата, он слышал от местных братишек, чем она занимается у себя на работе, и всегда кидал ей презрительный взгляд, пытаясь сверлить ее глазами. Графу казалось в такие моменты, что он своим взглядом мстит ей за всех ее забитых и несчастных подопечных. Но морально Инна Захаровна была сильнее и подавляла бунт Графа усмешками и прямыми оскорблениями. Петр Семенович в минуты разлада пытался примирить стороны, что всегда заканчивалось провалом. Потом братья оставались на кухне одни. Петр Семенович кормил гостя и призывал вернуться его к нормальной жизни. Граф осознанно соглашался, но, выйдя за порог, трезвый внутренний голос начинал унижать его еще хуже, чем обычно, и еще хуже, чем Инна Захаровна. Единственным способом заглушить эту боль было только нажраться в дровища. Все равно уже ничего нельзя было изменить, подсказывал другой голос, пытающийся оправдать эту жизнь.

Инна Захаровна предлагала Графу лечь в больницу, но родственник отказывался, понимая, что тогда его лишат своих, хоть и скудных, но пьяных гражданских прав. Да что тут говорить, каждый боится потерять свою свободу, вот и Граф боялся, считая ограничение его хоть и пьяной, но все-таки свободы неприемлемым.

Жил Граф в родительской квартире, которая за десятилетия его хозяйства заросла мусором и зимой превращалась в притон. Прозвище Граф ему дали уличные друзья как раз из-

за того, что он, в отличии от многих имел, свою квартиру.

Квартира Графа зимой была полна гостей. В ней отогревались бомжи и их друзья, друзья-друзей. На самом деле благодаря этой квартире спаслось очень много жизней. Главным и единственным правилом этих стен было – «Граф должен быть пьян». Трезвым Граф свирепел, начинал всех выкидывать из квартиры, а иногда даже заставлял убираться и мыть пол, поэтому алкоголь в этих стенах кончался только ближе к лету. Летом квартира пустела, даже сам Граф бывал в ней редко. Его высочество отдыхало на улице круглыми сутками.

Был у Графа лучший друг – Колян, с которым они проводили большую часть всего времени. Они были близки по духу. Из-за их дружбы местные начали называть Коляна Князем.

В конце весны Граф рассорился с местными бомжами, которые побили его за то, что он опустошил пару мусорок в поисках чего-либо для сдачи в пункты приема переработки вторсырья.

Раздосадованный Граф, сидя на трубах, с ссадинами под глазами, рассуждал о том, какие же они неблагодарные, и что этой зимой он не пустит их к себе. Но в тоже время он понимал, что до зимы он их успеет простить, и такая ссора в действительности человеческой жизни не стоит. Да и все-таки зимой он пьет за их счет, но желание мести жгло его. И к вечеру они с Князем придумали хитроумную месть на их взгляд – они начали ломать и воровать мусорки. Между тем

мусорки охотно принимали в пунктах приема металлолома. За месяц Граф и Князь оставили без мусорок почти всю улицу. Обмен курса алкоголя был один к одному: одна мусорка – один пузырек боярышника. Местные бомжи были в ужасе от такого беспредела.

Как-то раз Князь, тусуясь с Графом на набережной в ожидании туристов, услышал фразу одного видимо авторитетного человека, разговаривающего со своим другом: «В России все равно лучше, веселее! Вот приезжаешь на Красную площадь и видишь, как бомжи дерутся, разве не здорово?! И у нас таких кадров много». Князь часто вспоминал эту фразу, она как-то успокаивала его глубоко зарытое несогласие с судьбой.

Вот и сейчас Князь смотрел на раскинувшуюся даль, раз за разом прокручивая эту фразу в голове. Значит не просто так он ведет аморальный образ жизни, значит пусть немного, но его жизнь полезна, она хоть кого-то веселит и дает право на сравнение. Мысль постепенно растворялась в его голове в небытие и заменялась чувством красоты речного пейзажа. Ему было так вольно и прекрасно на душе, несмотря на то, что на него дул прохладный речной ветер.

Ветер залетал в дырки его потрепанного с годами свитера. От холодного ветра по коже бежали мурашки. К холоду Князь был привыкшим и не боялся его, но предстоящая зима заставляла его нервничать.

Предстояло снова бороться за жизнь, искать еду и приют. Он повернулся лицом к городу и начал рассматривать мно-

жество домов. «А как было здорово жить в тепле и уюте, как я докатился до такого?» – задал он себе вопрос. – «Даже и не помню, как бродить начал. И ведь жена была... А как-то все скатилось по наклонной». Эх, долго мне теперь не протянуть, а так жить хочется» – рассуждал протрезвевший Князь. Можно, конечно, у Графа перезимовать частями, частями на вокзале и теплотрассе. Пока Граф пьян, можно и с ним жить. А что будет если Графа не станет? Однозначно теплотрасса, коллектор и смерть. Князь испугался, что в его мозг начала проникать расчетливая мысль о необходимости самостоятельности, так сказать возможности независимой зимовки от Графа. Князь, который жил по принципу «дели все поровну» и с тобой тоже поделится, почему-то высмотрел в своей душе какую-то жадность к жизни. Пускай малое, но стремление к своему законному месту. Тут же он начал думать о возможных вариантах отыскать бывшую жену, детей и попробовать наладить с ними отношения, но его обжег такой стыд, словно раскаленный кусок железа прислонился к его лицу. В этот момент у Князя действительно лицо окрасилось в яркий красный цвет. Вот вернуться в семью не бомжом, а миллионером было бы здорово, и от разыгравшейся фантазии Князь даже посмеялся вслух, смакуя как разбрасывается перед родственниками деньгами.

Потом фантазии в его голове куда-то улетучились. Князь заметил, что, стоя по центру улицы, все рассматривают его лохмотья, обходя стороной. Да, одежду надо бы поменять к

зиме. Только вот все, что попадало пока в руки, не подходило. Некоторые бродяги носят все, что только подворачивается под руки: женские сапоги и куртки, яркие синтетические кофты и т. д. Хоть Князь и был бродягой со стажем, но во что-то яркое и женское тем более одеваться не хотел принципиально. Рассуждая о том, что лучше замыленная одежда до дыр со состраданием, чем яркое пятно с насмешками.

Вдруг неожиданно к Князю подошла, юная очень ухоженная девушка, лет так около двадцати.

– Простите. Обратилась она к нему. – Меня зовут Маша, у нас открылся центр реабилитации для бездомных. Вот Вам памятка. И протянула какую-то бумажку.

Князь не читая ее сунул в карман, сразу подумав о том, что разожжет ей костер, когда ночью будет греться в кустах около коллектора.

– Если Вы хотите начать новую жизнь, приходите! Мы поможем и с документами, и с работой, и даже с жильем.

Князь сделал несчастное лицо, по крайней мере ему так показалось, и попросил девушку выручить мелочью на еду. Сам же Князь думал о том, что пора ему уже выпить слишком много новых мыслей лезло в его голову.

Но девушка отказала, сказав, что с едой и жизнью в целом ему может помочь реабилитационный центр, если он туда придет сам и выполнит какие-то условия еще в добавок. Князь вопросительно еще постоял около девушки, но та, попрощавшись заманчивым «до встречи», пошла дальше

по улице, выискивая взглядом потенциальных клиентов.

С одной стороны, Князь, не добившись мелочи, расстроился, с другой стороны, ему было приятно, что к нему подошли и предложили помощь.

«Новая жизнь?! А какая она бы была? Вот скажем, если бы я в школе не бросил спорт, может быть я стал бы чемпионом мира или призером каким-нибудь?» Вспомнился Князю его тренер, который наставлял его, как стоит себя вести на соревнованиях, когда, в какой момент должен включаться тигр. Вспомнил, как он вел занятия, когда тренер болел...

Да, шансы были, но сейчас уже ничего не изменить. Да и старый я, чтобы что-то менять. А ведь мне в этом году вроде сорок пять ... да вроде сорок пять, юбилей как-никак, а выгляжу, наверное, на все восемьдесят. Надо подкопить денег на бутылку водки, а то боярышник на такое событие пить не гоже.

Князь развернул скомкавшейся в кармане листок. На нем было написано описание реабилитационного центра. Читать князь разучился давно, и сейчас если и читал, то по слогам и совсем немного. Большой текст ему осилить было сложно и лень. Зато на обороте был краткий план, что нужно делать:

1. Протрезветь.
2. Вспомни свое Ф.И.О.
3. Дать обещание больше никогда никого не обманывать.
4. Спросить себя: «Хочешь ты быть личностью и жить нормальной жизнью?».

5. Если есть желание перемен, то приходите по адресу...

Князь решился попробовать и пошел по указанному адресу. Он еще не до конца решил, серьезно он настроен или нет, но если его не примут, то уж точно выклянчит чего-нибудь. На крайняк точно накормят. Нужный дом он нашел быстро. Хорошо, что на бумажке была схема прохода. Входная дверь была расположена по центру. Рядом с ней была табличка, логотип совпадающий с изображением на листовке, врученной ему юной девушкой. Как же ее звали? Вроде Аня ...

Дверь была яркого красного цвета и резко бросалась в глаза. Князь долго на нее смотрел, но зайти не решился. Вкусно покушать это конечно хорошо, но есть он пока не хотел, а зайдя, сейчас же его окутают вопросами, полезут в душу. Трезвый он не хотел слушать весь этот бред о моральных качествах, трезвой жизни и прочей для его существования уже чепухи. Но запомнить, что тут можно бесплатно покушать на будущее стоило. Князь пошел дальше, по дороге зашел в магазинчик, где купил пузырек и поспешил на любимую теплотрассу рядом с коллектором.

Впрочем, дверь так и манила Князя. День за днем и даже швыряясь в мусоре ему во всем красном мерещилась эта дверь. Дверь настолько его притягивала, что он по три-четыре раза обыскивал одну и ту же урну, забывая, найдено ли в ней что-то полезное или нет.

Князь долго думал, почему эта дверь заела в его голове, что за дьявол или ангел покрасил ее в красный? Будь она

черной или коричневой, ему было спокойнее. Князь даже не хотел выходить на ту улицу где был расположен этот портал. Наконец-то Князь осознал, что красная дверь манит его надеждой. «А была не была!» – решил он. Через пару дней, оказавшись специально в этом районе, он снова разыскал ее и открыл. Пройдя внутрь помещения, Князь попал во что-то типа гостиничного холла, за стойкой которого стояла та самая девчонка, что снабдила прокламацией.

– Это у Вас тут «отель исполнения желаний» – пошутил Князь.

– Смотря что у Вас за желания. Проходите, пожалуйста. Как Вас зовут?

– Я Князь ...

Молодая озорная девушка рассмеялась не на шутку, а затем нахмурилась.

– Дайте угадаю, а живете Вы в палатах? Ладно, простите, как Вас величать по-настоящему?

– Эм ... так Николай.

– А фамилия и отчество, дата рождения?

Тут Князь встал в ступор. Отчество и фамилию... Долго он пытался вспомнить потом увидел растерянный взгляд Марии.

– Анна, ну не помню я ... в этом году 45, вроде. Юбилей!

– Вы даже мое имя запомнить не можете, – тихо и спокойно сказала Мария. И видимо, пришли еще пьяным вдобавок.

– Ну это, немного смазался с утра и все...

– Мы не готовы за Вас принимать решение, мы можем Вам предложить только благоприятные условия для этого. «Спасение утопающих дело рук самих утопающих». Принимайте решение изменить жизнь, приходите трезвым, с полным ФИО, и мы Вам поможем. А пока до свидания. Мария демонстративно показала рукой на дверь.

Князь растерялся. Ему стало обидно, что он снова изгой общества, но теперь не из-за внешнего вида, как это было обычно, не из-за смрадного запаха, а из-за того, что забыл свое имя с отчеством... Да и вообще, что это за центр, куда ты пришел, чтобы тебе помогли, а тебя выгоняют.

За всю свою жизнь Князь очень много врал, как только он не представлялся, такие псевдонимы придумывал. Главное, чтобы он настоящий не попал в полицию, не встал на учет у нарколога. Лучше представиться президентом, но только спасти и спрятать себя настоящего. Было же у него и огромное количество слезливых историй для незнакомцев, которых можно было развести с помощью их на мелочь. Таким манером он уже давно начал путаться, что правда, а что нет, кто он и как его зовут на самом деле.

– Да пошли Вы тут все! Это... хм... лохотронщики мавродевы, сектанты!

Князь развернулся и двинулся на выход, хотел было хлопнуть дверью, но помешал доводчик, плавно выполнивший свою функцию. Выйдя на улицу, он сел на ступеньки и начал сосредотачиваться со всей силы, чтобы вспомнить как же его

полностью зовут. Ему хотелось вернуться, но, как бы себя он не напрягал, так и не вспомнил...

Проклиная свою судьбу, он резко захотел было отправиться выпить с Графом, но остановило его осознания того, что со своим другом он уже точно не вернется к этой красной двери. А значит Графа надо избегать, и он побрел в своей коллатор, зайдя по дороге за боярышником. Выйдя на улицу с пузырем, он все-таки решил пойти к своему лучшему другу.

Сделав глоток, ядерная жидкость обмыла берега его горла и встала колом. Как же меня зовут? В раздумьях он дошел до теплотрассы, где обычно летом в это время отдыхал Граф.

Князь продолжал молча выпивать и думать о том, надо ли ему вообще полностью вспоминать себя, как же это больно прокручивать все это в своей голове. Нужна ли ему действительно эта дьявольская красная дверь?

Граф встретил Князя с радостью и приступил к повествованию главной истории дня, а может даже месяца. Сегодня Граф стянул еду из местного фастфуда и чуть не был ушиблен охраной. Какой-то парень-растяпа, ожидая свой заказ, отошел в туалет, тут-то и подсуетился Граф. Времени складывать еду в пакет не было, и Граф мчался по улице прямо с подносом еды. Следом за ним бежал охранник и растяпа-студент. На дорогу падала картошка фри, указывая маршрут преследователям. Выиграть время Графу помогли знакомые уличные музыканты, которые в пьяном обеденном уга-

ре начали останавливать преследователей с просьбой подать мелочь для развития творческого дарования, явно помогая спастись местному кумиру бездомной жизни. Хоть и Граф имел квартиру, все наблюдавшие за ним со стороны были уверены, что он бомжует, чем он и пользовался, выпрашивая себе на жизнь. Если бы не эти парни, играющие постоянно на одном и том же месте панкху, Графа однозначно бы догнали. Сил бежать уже не было, легкие отказывались дышать. Окончательно оторваться Граф смог только, забежав во двор и спрятавшись в остатках сгоревших сараев. Вот тут он от страха доел остатки картошки и переложил бургеры в пакет. Поднос он спрятал в пепелище, задумав обязательно вернуться за ним позже.

Монолог Графа, прерывающийся своим же смехом, стих, и друзья, объевшись бургеров, легли дремать.

Князь встал и хотел допить боярышник и уже готов был его выпить махом как рука самостоятельно закрыла пузырек. Хотелось ему исправиться перед Анной, то есть Машей, прийти и выложить ей как его зовут. Чертова надежда в образе красной двери зацепила его. Может, это судьба? Он вспоминал, как начался тот день. Князь тогда просто стоял и думал о том, что было бы неплохо вернуться миллионером к родственникам, ну или хотя бы занять какую-то маленькую, но независимость, человеческое благополучие.

Князь снова прилег. Сон не шел. Граф начал ругаться, что Князь возится и кинул в него чем-то.

Князь все так же крутился и ворочался, как вдруг вспомнил школу. Они с одноклассниками смотрели журнал, и тихий детский голосок из прошлого с удивлением сказал, что Смородину поставили за контрольную по математике пять.

Точно! Уже другой голос раздался из прошлого «Николай Смородин к доске!»! А как же звали отца? Как не напрягал свою память Князь, но отчество вспомнить не смог.

На утро они пошли с Графом собирать пивные банки. Около одной лавки Граф углядел открытую, почти целую бутылку пива. Он поднял ее сделал вид, что прочитал английское название. Хотя читать он так же разучился, как и Князь, а иностранных языков сроду не знал. Потом оценил жидкость взглядом понимающего человека и отпил. На лице Графа поплыло наслаждение.

Он протянул бутылку Князю со словами – «А выпейте-ка отличного пива, Николай Егорович»!

Князь медленными глотками испробовал пиво и резко остановился. Он же обещал больше не пить, хотя какая уже разница, подумал Князь, и продолжил наслаждаться действительно вкусным напитком.

На одном из глубоких глотков Князь остановился, резко оторвав бутылку от губ и облил ворот кофты из-за большой амплитуды такого движения, за что поймал на себе строгий взгляд Графа.

– Э! Старый! А как ты меня назвал?

– Николай Егорович!

– А разве я Николай Егорович? Ну про Николая я, конечно, помню, но чтобы по отчеству Егорыч, первый раз слышу...

– Сам ты хрипота старая! отвечал Граф. – Сам же рассказывал, что отец твой Егор Смородин машинистом был... А Бородатый шутил, что такого быть не может, так как я твой отец.

Князь ахнул от удивления, как близко с ним была правда. Погрузившись в свои раздумья, наслаждаясь счастьем от маленькой победы, он не заметил, как они пошли дальше молча, собирая алюминиевые банки, а потом и вовсе в свете белого дня выкорчевали удобно стоявшую около кустов мусорную урну.

– Да осень чувствуется, бормотал Граф. Даже не в погоде дело. А по банкам и бутылкам в урнах видно, что нет их. Перестали на улице выпивать, все жопы свои дома греют.

Князь не отвечал. Ему побыстрее хотелось закончить обход, отделаться от Графа и зайти в Красную дверь. Реабилитироваться он, возможно, еще не собирается, но заткнуть эту наглую девку тем, что вспомнил, как его зовут, было жизненно необходимыми для еще одного маленького самоутверждения! И это желание перебороло его.

– Граф-братан! Я забегу за перцовкой. Иди, я тебя догоню...

– Так давай вместе в аптеку зайдём?!

– Да не... слушай, вдвоем выкинут. Я один попробую по-

просить, чтоб еще добавили рублик.

– Валяй! Граф махнул рукой и пошел дальше.

Князь напряг все свои силы и быстро побежал, на сколько мог это делать. Вскоре перейдя на быстрый шаг, который со стороны для прохожих таким совсем не казался. Красная дверь была относительно недалеко, если идти на срез. Сопя себе под нос от непривычного темпа, он наконец-то дошел до Красной двери, где попытался восстановить дыхание, чтобы воздуха хватило на разговор.

Еще раз собрав силы, он обдумал свое поведение, что он войдет и сразу с порога скажет «меня зовут Николай Егорович Смородин!» Или Смолин?! Так, а какая у меня правильная фамилия? Нервничая, начал сомневаться Князь. – Да какая разница, можно и соврать, только бы ей все высказать. Пусть Смолин будет, звучит лучше, решил он.

Рука потянула за ручку Красной двери. Войдя в знакомую комнату, его снова встретила Мария.

– Добрый день! Рада Вас видеть! Вспомнили как Вас зовут?

– А как же! Разулыбался Князь. Николай Егорович Смолин Я!

–Фу... демонстративно прижала нос Мария, переигрывая порыв гордыни Князя. – ФИО Вы свое вспомнили, а пришли пьяным! Не порядочек!

– Да я не пил! Начал доказывать Князь. Немного пива отхлебнул и все?!

– а Вы думали я немного Вашего пива не учую, и что это не считается?! У нас в инструкции ясно написано трезвым, мы не принимаем в алкогольном опьянении и через силу никого не заставляем.

Князь замолчал, он хотел уже просто уйти, но до него дошел сбивающий с ног ароматный запах еды, тянувшейся из соседней комнаты.

Князь инстинктивно сглотнул и поник.

– Как Вас зовут Вы уже вспомнили – это хорошо! Продолжала Мария – Давай сегодня не пейте больше и завтра приходи трезвым.

Князь молча развернулся и направился к двери, но еще раз, обернувшись, подошел к девушке.

– Мария, дорогая! Дай что-нибудь покушать? Голодаю уже с неделю, честное слово!

– Приходите завтра трезвым и мы Вас накормим, даже составим компанию.

Князь стоял в шоке. Первый раз из него, как бы это думал он назвать правильно «вили веревки». Бродягам подают то, что они просят или нет. Редко предлагают взамен что-то другое, но вот чтобы обещали на будущее за хорошее поведение, такое было первый раз. Князь не знал, как себя вести, и попросил еще раз покормить его, на что получил снова отрицательный ответ. Князь поморщился от якобы резко накатившегося голодного приступа, но маленькая пиявка была непреклонна. Даже денег отказалась дать. Князь чувство-

вал свалившийся на него гнев от мыслей о том, что ему завтра придется снова зайти в Красную дверь. Снова ждать и не пить! Дождаться завтра казалось ему, что не хватит сил. Это ведь надо почти день ждать трезвому! Ужас! А ему хочется выпить, чего тут скрывать, но и другой жизни тоже хочется. Он достаточно часто начал представлять себя в чистой, теплой постели. Он сам и не заметил, как Красная дверь стала ассоциироваться у него с собственным домом. Да еще и Граф рядом, которому отказать в трапезе с боярышником невозможно по соображениям дружбы и сложившегося культурного образа жизни. Князь побледнел и хотел сначала устроить скандал, но потом грубо попрощался, как только можно было это сделать, и вышел на улицу.

Вместо нравственной победы он получил большое поражение.

Уже не торопясь, достаточно размеренным шагом Князь догнал Графа.

– ЭЭЭЭ! Старый! Ты на Камчатку ходил? Чего как долго? Купил? Давай дерябнем, а то что-то руки дрожать начинают, от лета уже ничего не осталось, – набросился Граф с вопросами на Князя. Князь вопросительно поднял голову.

– Что я должен был купить?

– Как что, старый?! Перцовку, боярышника ты купил или выпил все в одно жало?

– А?! да не... мне продавщица не добавила. Потом попытался настрелять, но не получилось.

– Давай я попробую уговорить продавщицу, давай деньги. Князь протянул ему мелочь и Граф ушел.

Граф специально пошел в ту аптеку, которую должен был посещать Князь. Граф перед входом сделал профессиональную Гримасу мученика, перевел весь свой вес на одну ногу для видимости хромоты. Медленно открыв дверь, он так же еле-еле стал подходить к окошку, кряхтя себе под нос и ругая несвязной речью кого-то. Граф крутился по сторонам, не торопясь подходить к прилавку с кассой, тем самым тратя впустую морально выделенное продавщицей время нахождения бомжа в магазине. Наконец, дохромав до кассы, Граф долго стал искать мелочь, потом пересчитывать ее, перекладывая из одной руки в другую. Послышалось нервное сопение продавщицы. Готова, смекнул Граф и высыпал мелочь на прилавок.

– Что тебе?

– Эээ.... Прохрипел Граф. – ээээ, пузырь дай...

На беду Графа продавщица, несмотря на то что сгорала от нетерпения выпроводить вонючего покупателя, пересчитала мелочь и заметила, что двух рублей не хватает. Граф сделал растерянный вид и попросил смилостивиться над ним. Продавщица фыркнула, но дала заветный коричневый пузыречек. Выражение лица Графа не изменилось, но внутри себя он размышлял о том, что, видимо, Князь его обманул и куда-то ходил не сюда. Ведь продавщица даже не выдала, что он такой не один и что до него кто-то приходил с такой же прось-

бой. Да и согласилась быстро добавить. Граф отправился к выходу быстрым здоровым шагом. Только потом уже, подумав о том, что зря не доиграл спектакль до конца. Ведь такой доброй женщиной можно было манипулировать еще не раз.

Но внутренняя злость от лжи друга переполняла его, и ему хотелось ударить Князя. Но на улице при людях было нельзя, лучше с ним разобраться дома. «И давно ли с ним Князь перестал делиться своими мыслями», – задался вопросом Граф. Вернувшись к Князю, он протянул ему перцовку – пей!

– Не буду. Ответил Князь.

– Что это так?!

– Нам еще с тобой надо до конца улицы дойти и банки с урной сдать, а мне хреново что-то.

То, что Князь соврал, Граф снова заметил, но не предал этому виду.

– Граф! Есть центр реабилитации для бродяг, может сходим туда?

– Да какая реабилитация... мы с тобой уже лет десять шастаем и все двадцать пьем, а может больше. А я и вовсе не бродяга, у меня вилла есть. А до нашего знакомства сколько еще лет мы раздельно пили. Старики мы с тобой. Нас только могут в секту какую-нибудь забрать для рабства. В виде ездовых лошадок... А у меня еще поместье отнять!

– Клячи из нас не очень теперь! Хочется засыпать на мягкой, чистой кровати.

– Чем тебе мой диван не нравится?! Ты вот когда пил мне больше нравился, по трезвому у тебя дури в голове много. Я тоже, когда не пью, паршиво себя в голове чувствую. Может ты заболел? Или хочешь, я с Носастой договорюсь, она к нам в гости придет. Успокоит тебя? Хотя ее потом не выгонишь...

– Нет, Граф, просто жизни хочется хорошей...

– Об этом за школьной партой думать надо было! Ну вот вспомни сколько раз к нам приезжали из центров этих, а потом наш брат пропадал. Нет, лягушка, сиди в своем болоте... И еще ты мне сказки не заливай про центр, еще раз узнаю, что в одно жало бухаешь на общие деньги, получишь у меня. Я ведь тоже много чем могу с тобой не делиться, да тащу тебя на себе. Все, давай на Виллу, спать хочется, поздновато уже. Завтра все банки сдадим.

Князь молчал, для него придирки Графа были уже не важны, так как никогда он с ним так не поступал. Всегда делился, а если и нет, то только по какой-нибудь крайней нужде, о чем Граф знал. Яркой картинкой в его голове всплыло воспоминание о том, когда его задержал полицейский патруль. Менты взяли его еще вечером, но не торопились доставить в отдел и катали всю ночь до утра. Утром на другом конце города стражи правопорядка передумали задерживать Князя и высадили. На его просьбы задержать и доставить в отдел или довести ближе к дому Графа они только рассмеялись, и Князь остался на морозе. В тот день он еле добрался до

Графа, чуть не замерзнув. Чтобы хоть как-то согреться, пришлось зайти в распивочную и купить на деньги из общака полтишок с пирогом. В этой распивочной Князь был первый и последний раз. Ему четко запомнился старый советский прилавок с разнообразной рыбой, бутербродами и вареными яйцами двух видов. Те яйца что были уже очищенными, стоили на один рубль дороже. Кроме этого был огромный поднос пирогов, покрытых жирной блестящей масляной корочкой. Как только пироги переставали блестеть, продавщица в высоком поварском чепчике смазывала их растительным маслом. Стены были разделены на две части. Снизу, примерно до пояса были отделаны пластиковыми панелями, видимо для того чтобы их было удобнее мыть. Но несмотря на это удобство все равно пластик был покрыт слоем жира с пылью. Вторая часть была из полаченной в темный цвет вагонки.

Да и тогда не получилось ему нормально отогреться, пристал какой-то пьяный осел и решил с ним тягаться силой. Еле удрал тогда Князь от назойливого мужика.

Добравшись до виллы, Князь никак не мог уснуть. Сначала мешали мысли о том, стоит ли заходить в Красную дверь. Стоит ли что-то менять в своей жизни? Потом как аргумент за, он начинал представлять о своей теплой и чистой кровати и тут же решался рискнуть, попробовать «реабилитироваться». А чем он рисковал, Князь разобратся не смог. Хотя душа стонала, ассоциируя Красную дверь с риском на надежду. Потом Князю мешал уснуть накатившийся из-за неизвестно-

сти его будущего страх, сменившийся на панику. Князь возился и дергался. Устав думать и маяться, Князь вроде бы успокоился, но заснуть уже не мог из-за сопящего Графа.

К утру Князю все же удалось уснуть. Но сон был прерван Графом, который решил сам сходить к Носатой, поэтому взял общую мелочь, припомнив вчерашний инцидент.

Князь окончательно оклемался к обеду следующего дня.

Он уселся трезвый на стул и долго смотрел через распахнутую дверь в ванную на свое отражение в грязном зеркале. Потом молча встал, откопал на полке среди ненужного хлама бритву и побрился.

В этот раз он смело преодолел Красную дверь и улыбнулся Марии. Выполнив поставленные перед ним условия, Князь попал на поруки сотрудников реабилитационного центра.

Граф осознал потерю друга только через пару дней его безрезультатных поисков.

После того как Князь пришел в реабилитационный центр, его отвезли на край области к дяде Ване. Дядя Ваня был крепкий мужик лет около пятидесяти, державший свое личное подсобное хозяйство. Сначала Князь чуть ли не хотел бежать, думая, что Граф, видимо, был прав, так как переживал за то, что его буду использовать как рабочего. Но через пару дней Князь понял, что сверхъестественного тут от него не требуют, так, мелкая помощь по хозяйству, а если надо бежать, так никто не держит. Как говорил дядя Ваня: «Николай, не смотри волчьим взглядом, все четыре стороны твои, хочешь бежать – валяй. На день пути продуктами обеспечу».

Пока Мария со своими друзьями восстанавливала ему документы, Князь ухаживал за скотиной и жил полной деревенской жизнью в небольшом флигеле в одном из забытых сел области. Через год он уступил свое место новому бедолаге и переселился снова в город. Ему помогли отучиться и устроиться на работу в котельную. До глубины души Князь был признателен тем, кто дал ему еще один шанс. Его растрогало до слез от подаренного набора новой одежды, особенно ему понравилось деловое пальто, в котором он выглядел очень стильно. Князь никогда не думал, что сможет так хорошо выглядеть, и часами любовался тайком на се-

бя в зеркале. Жил Князь в маленькой студийной квартире, арендованной на первое время за счет реабилитационного центра. В процессе своей реабилитации Князь познакомился с другими бывшими бродягами и низко социально-ориентированными гражданами. Образовалось некое братство из «бывших», где старались друг друга поддерживать.

Однажды Граф прогуливался по одной из улиц в поисках денег на похмелье и наткнулся на одетого в чистое красивое пальто Князя. Судя по его гладковыбритому и освободившемуся от припухлостей лицу он был трезв около нескольких месяцев и смотрел на Графа с большим удивлением и растерянностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.